

Семи с половиной лет, с некоторой помощью своих наставников, Обинье перевел платонова «Критона», взяв с отца обещание, что книга будет отпечатана с изображением ребенка-переводчика на титульном листе. Когда ему было восемь с половиной лет, отец повез его в Париж. Проезжая в ярмарочный день через Амбуаз, отец увидел головы своих амбуазских сотоварищей, которых еще можно было различить на виселице, и был так взволнован, что перед толпой в семь или восемь тысяч человек воскликнул: «Палачи! Они обезглавили Францию!» Увидя на лице отца необычайное волнение, сын подъехал к нему. Отец положил ему руку на голову и сказал: «Дитя мое, когда упадет и моя голова, не дорожи своей, чтобы отплатить за этих достойных вождей нашей партии. Если ты будешь щадить себя, да падет на тебя мое проклятие!» Хотя отряд Обинье состоял из двадцати всадников, они с трудом пробились сквозь толпу, возмущенную подобными речами.

(1562). В Париже школьника Обинье поручили заботам Матье Бероальда, племянника Ватабля⁵, очень важного лица. В то время или немного позднее, после взятия Орлеана принцем Конде⁶, в Париже усилились преследования, убийства и сожжения гугенотов, и Бероальду, подвергнутому величайшим опасностям, пришлось бежать со своей семьей. Маленькому мальчику было очень досадно покидать кабинет с великолепно переплетенными книгами и прочими вещами, красота которых излечила его от тоски по родным местам; когда он проезжал Вильнев-Сен-Жорж, мысль об этом исторгла из глаз его слезы. Тогда, взяв его за руку, Бероальд сказал: «Друг мой, разве не чувствуете вы счастья, выпавшего на вашу долю: в вашем возрасте иметь возможность потерять кое-что ради того, кто дал вам все?»

Маленький отряд из четырех мужчин, трех женщин и двух детей, раздобыв возок в Кудрэ (в доме президента л'Этуалья⁷), пустился в путь через местечко Куранс, где кавалер д'Ашон, командовавший там сотней легкой конницы, арестовал их и отдал в руки инквизитора, по имени Демокарес. Обинье не плакал в тюрьме, но не удержался от слез, когда у него отняли маленькую посеребренную шпагу и пояс с серебряными пряжками. Инквизитор допросил его отдельно, не раз впадая в гнев от его ответов; а офицеры, увидя на нем белый атласный костюм, отороченный серебряной вышивкой, и оценив его манеры, повели в покои д'Ашона, где заявили ему, что вся его шайка приговорена к сожжению и что ему будет уже поздно отречься в час казни. Он ответил, что месса для него страшнее сожжения. В той комнате играли скрипачи, и когда начались танцы, д'Ашон потребовал, чтобы арестованный проплясал гайярду. Обинье не отказался, и вся компания любовалась и восхищалась им, но инквизитор, обругав всех, приказал увести его в тюрьму. Узнав от Обинье, что они приговорены к казни, Бероальд пощупал у